

Aleksiej Dmitrowski
Kaliningrad

**Алексея Петрова *Полонез по-русски, или Заграница.pl.ru.*
– сюжет русско-польской взаимности**

В московском издательстве 000 МИА вышла полутысячным тиражом книга Алексея Петрова *Полонез по-русски*, жанр которой сам автор определил как документальный роман. Получив её от автора, я прочитал, не отрываясь, ибо книга вправду увлекательна, как роман, и богато познавательна в культурно-историческом содержании, а „нежная влюблённость в Варшаву”, в коей автор исповедуется перед читателем, и общая философско-историческая концепция книги оказались в близком родстве с моим собственным исповеданием славянской взаимности в традиции от Яна Коллара до наших дней. Вправду, книга на стрежне современной общеславянской идеи, столь же благодатной в своих исходных и ожидаемых ценностях, сколь и проблематичной в путях и возможностях осуществления.

Общеизвестен драматический характер взаимной истории русских и поляков и тем более значима ответственность двух великих славянских народов в общеславянской судьбе. Так, необходимым условием славянского единения становится выработка, в первую очередь, двумя нашими народами взаимно дружественной парадигмы на всех уровнях национально-государственного существования. Верно писал Тютчев еще в 1850 году: „Тогда лишь в полном торжестве/ В славянской мировой громаде/ Строй вожделенный водворится,/ Как с Русью Польша помирится”. И так же был прав, даже независимо от собственной мотивировки, польский мыслитель XIX века Г. Каменьский, утверждавший, что „невозможно по-настоящему постичь Россию, не поняв, что такое Польша”¹. Добавим при этом от себя и вероятную результативность польского самопознания с учетом постижения русского феномена. И все это составляет тот глубинный культурно-

¹ *Польская и русская душа, от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына*, Варшава 2003, с. 50.

исторический фон, на котором разворачивается авторское повествование, где само название романа *Полонез по-русски* ориентирует читателя на взаимопознание русских и поляков и осуществление в нынешней разобщенной „славянской мировой громаде” заведомо благодатного для всех художественно-виртуального „вожделенного строя”.

Судьбоносности для славянского мира проблематики, коей характеризуется книга, соответствует её особая композиция в составе сорока глав, где сближение и взаимопроникновение двух исторически разных миров русских и поляков обеспечивается сквозной сюжетной линией взаимоотношения действующих лиц: автора, русского доктора Алексея Петрова и его супруги, учительницы физики – с одной стороны, и польского писателя Эдварда Куровского и его супруги, профессора-слависта Галины Янашек-Иваничковой – с другой. Фабульная сторона сюжета предстаёт во взаимобмене визитами польских и русских персонажей, соответственно, в Россию и в Польшу с композиционной фиксацией начала обоих визитов в 1–3 главах и окончания в главах 38–40. Книгу завершают два приложения: *Рождество по-польски* и *Встреча в Шереметьеве*, повторяющих в виде эпилога общую фабульную структуру взаимных визитов.

Пространства России и Польши, а также фабульное время взаимных поездок, занимающих 1999–2003 гг., и сюжетное время в охвате четырёх столетий, от Смутного времени начала XVII в. до начала нынешнего XXI в., монтируются в чередующихся эпизодах, образуя увлекательную интригу русско-польских сопоставлений, соотношений и взаимности. При этом русское и польское пространство асимметричны по фактическому содержанию, но равновелики в своей национально-судьбоносной значимости. В Польше это её столицы современная и историческая, Варшава и Краков, в России – её глубинка, районный город на Тамбовщине Мичуринск, в котором по новейшим данным всего 96,1 тысяч жителей, и прилегающие сёла: Стаево, Старо- и Ново-Хмелевое, Борщевое, Устье и место приснопамятного, но уже ушедшего в небытие, как и многие другие русские сёла, – Саликово.

Документальный роман строится на сопряжении времени частного, биографически-личного, и общего, национально-исторического как взаимной русско-польской „причастной вненаходимости” (Бахтин). Интригу первого составляют также две судьбы. Это родительская семья пана Эдварда в составе шести человек, незаконно депортированная в начале второй мировой войны из родной Львовщины в далёкую Сибирь, и романтическая влюблённость в Польшу доктора Петрова, подвигнувшая его с юных лет на самостоятельное изучение польского языка, на постижение

польской истории и культуры, на переводческую деятельность и, в результате всего, на создание самого *Полонеза по-русски*. Таким образом, в книге А. Петрова непосредственное романное действие совмещено с жизненной предысторией обоих главных персонажей, а сами характеры типизируются в нравственно-психологической и идеологической парадигме всё той же русско-польской и польско-русской взаимности. И мы наблюдаем замечательную симметрию писательских судеб поляка Э. Куровского и русича А. Петрова, где первая поездка пана Эдварда в село Саликово, составляющая предысторию его собственно фабульной поездки, увенчалась написанием повести *Высокое небо*, которую я, кстати сказать, имел честь рецензировать в 2002-м, а поездки Алексея Станиславовича в Польшу привели к созданию документального романа, о коем, – спустя пять лет, докладываю сейчас.

Второе русско-польское национально-историческое сопряжение и средостение, составляющее основу сюжетной структуры, выступает в романе в виде авторской рефлексии, т.е. наблюдений, размышлений и обобщающих выводов историко-фактографического, культурологического и философско-исторического порядка с выделением и особой акцентировкой трёх наиболее драматических эпох нашей обоюдной истории: Смутного времени на Руси начала XVII века, рубежа XVIII–XIX вв. (трагических разделов Польши и восстания Костюшки) и общей для русских и поляков Великой Отечественной войны и её глобальных политических результатов; и особое место занимают суммирующие размышления автора уже на материале начала XXI века, – учитывая время создания романа 2001–2005 гг. Это 37-я глава, образующая идейно-смысловый центр и сюжетную кульминацию всего русско-польского романного дискурса.

Пользуясь собственными наблюдениями и широким составом научной литературы на обоих языках, автор ведёт, как говорится, независимое расследование наиболее драматических узлов нашей взаимной истории, вовлекая в самостоятельное размышление заинтересованного читателя, причём с неизменным вектором поиска и воли к обретению обоюдно встречной взаимности. Автор вскрывает истоки вековой русско-польской драмы, видя их в заведомо деструктивных действиях правящих кругов обеих сторон, как результата слабого развития общеславянского самосознания и порочной тяги к односторонним выгодам за счёт друг друга. Так, читаем: „Сигизмунд III из шведской династии Вазов был одним из организаторов интервенции в Россию начала XVII века. В те годы

правящая верхушка Речи Посполитой и католическая церковь вознамерились расчленивать Россию и ликвидировать её государственную самостоятельность. Но вот перед глазами автора Вилянув в Кракове, резиденция собственно польского по происхождению короля Яна III Собеского, великого, по справедливой авторской оценке, полководца, который в 1683 году разгромил турецкую армию, осаждавшую Вену, а еще, добавим от себя, заключил, три года спустя, с Российским государством «Вечный мир», подписанный с русской стороны князем Голицыным, а с польской – воеводой Гжимултовским; договор, согласно которому наши предки порешили «в братской дружбе и любви быть паче прежнего и учинить вечный мир и союз на отвращение от всего христианства общих неприятелей»². Золотые слова! И ведь вправду, наш договор о „Вечном мире” никто не денонсировал, и он генетически в душе и сознании каждого честного русича и поляка. Вот и жить бы нам сейчас по этому договору! И также мы в полном согласии с поляками, которые, по наблюдению А. Петрова, „относятся к Яну Собескому с таким же пиететом, с каким русские – к Петру Первому”³.

Роман значительный по объёму, 24 п.л., густо „заселён” историческими и современными персонажами. Здесь в прямом фабульном участии или в авторской научно-публицистической рефлексии цари, короли, полководцы, деятели науки и культуры, писатели, композиторы, художники, герои польского сопротивления. Здесь Пушкин и Мицкевич, Матейко и Шишкин, Коперник, олицетворяющий собою польскую науку, как у нас Ломоносов. Здесь же центральные фигуры великого русского садовода-селекционера Ивана Владимировича Мичурина и просветителя, книгоиздателя и переводчика Ивана Герасимовича Рахманинова. Здесь друг военного детства пана Эдварда, ныне профессор Мичуринского педагогического института В.И. Попков и первая юношеская любовь пана Эдварда, простая русская женщина Анна Липовская, и местная интеллигенция – поэт В.И. Михин, художник Виктор Курьянов. И все они в одном монтаже с воинами польской Армии Крайовой, среди которых отец пани профессор Г. Янашек-Иваничковой подполковник Вацлав Янашек, павший на баррикадах Варшавского восстания в августе 1944-го. С обеих сторон люди высокого общественного положения и простые труженики,

² *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, СПб 1864, т. VII, с. 5.

³ А. Петров, *Полонез по-русски, или Заграница.pl.ru.*, Москва 2006, с. 81.

исполненные глубокого национально-государственного патриотизма и в самой глубине глубин патриотизма исторического, общеславянского.

Некоторые сюжетные части документального романа выступают в композиционно самостоятельных исследовательских функциях. Таковой является встреча автора с профессором-славистом Базыли Бялокозовичем, где заветная тема русско-польской взаимности, Пушкин и Мицкевич, развёртывается в форме взаимозаинтересованного научно-публицистического разговора, в которой я сам непроизвольно ощущаю себя сам-третьим, поскольку эта тема также всегда главная в наших неизменных беседах при встрече на русской и на польской земле. И собственный авторский анализ двух картин великого Яна Матейки *Провозглашение Конституции 3 мая* и *Баторий под Псковом*, которые рассматриваются с позиции исторической достоверности, где, как выясняется, во второй картине даже величайший живописный талант не спасает от гражданско-исторического поражения.

Но вот целостная философско-историческая и идеологическая концепция книги, которая приобретает программный характер и чеканное выражение: „Да, за четыреста лет нагадили Польша и Россия друг другу изрядно, и, чтобы вычистить эти авгиевы конюшни и начать польско-российские отношения с чистого листа, требуется не упрямство и озлобленность (с обеих сторон), а тонкая, деликатная работа, стремление называть вещи своими именами, добрая воля, взаимопонимание и терпение” (с. 342). Ведь, действительно, также говоря словами автора, „у русских и у поляков такие похожие судьбы” (с. 346).

Таким образом, автор, взамен нынешним деструктивным, заведомо антиславянским „дуэлям”, предлагает собственную, действительно надёжную модель национально-государственных отношений: Да, „тысячи офицеров легли в сырую землю Катыни и Пятихатках” (с. 98). Да, „тысячи красноармейцев [...] до сих пор продолжают споры о том, сколько красноармейцев погибло в польском плену” (с. 881). Всё это страшная правда, и всё это наследие исторической вражды, которая, как злой рок, тяготеет над обоими великими славянскими народами, пагубным образом отражаясь на состоянии общеславянского мира. И автор тем более прав, утверждая: „Не мы там были, не мы убивали, но давайте ещё раз извинимся друг перед другом и начнём с нуля” (с. 91).

Ведь вправду, создать что-либо путное на взаимных „фобиях” невозможно, а в дружбе и единении славянских народов – безусловный залог их общего процветания. И в эпилоге романа просматривается диагноз

современного глобалистского антиславянского синдрома: „Кто-то очень заинтересован в том, чтобы славянские народы жили порознь” (с. 377).

Блок писал в своё время: „Народ - венец земного цвета,/ Краса и радость всем цветам”. И мы вторим автору документального романа, что у нас, кроме политиков и госчиновников, есть обыкновенные люди, соль соли земли, которым изрядно надоел истощный вой, поднятый вокруг жгучих проблем нашей общей истории. Автор убеждён сам и убеждает своим эмоционально-проникновенным повествованием, что „поляки так похожи на русских” (с. 75), а русские, продолжим его мысль, так похожи на поляков! И, вероятно, поэтому, как справедливо писал Н.А. Бердяев, „эти две разные народные души могут не только понять и полюбить друг друга, но и осознать свою славянскую миссию в мире”⁴. А значит – и осуществить её! Так сама сюжетная линия личных, предельно искренних, дружеских отношений четы Куровских и четы Петровых, типизированных в документальном романе, становится моделью исторически благодатной взаимности двух народов во имя и в целях общеславянского процветания.

Роман А. Петрова не только декларирует, но и наглядно демонстрирует общие свойства русского и польского национального характера в их главной общеславянской парадигме, которую профессор Б.Кригер удачно определила как „философию сердца”⁵, что противостоит любому одностороннему утилитарно-рационалистическому инструментализму. В самом деле, у русского юноши Алексея Петрова, взявшегося за самостоятельное освоение польского языка, осведомлялись, как он пишет сам, „на кой чёрт мне это нужно”. Но это и было решительным проявлением его „философии сердца” равно как и у пожилого поляка Эдварда Куровского, в свои детские годы тяжелейшим образом пострадавшего от советской власти и, несмотря на это, пронесшего через всю жизнь любовь к русскому народу. И мы разделяем авторское восхищение нравственной высотой пана Эдварда: „Как же нужно любить Россию, чтобы при всём этом отважиться на подобный вояж?” (с. 13). Предпосылка ответа на этот эмоционально-риторический вопрос в той же самой экзистенциально-сущностной славянской „философии сердца”.

Как видим, роман документальный по своему фактическому содержанию оказывается также романом публицистическим по своему ярко выраженному гражданскому и политическому целеполаганию. Тому

⁴ Н. Бердяев, *Судьба России*, Москва 1918, с. 165.

⁵ Б. Кригер, *Мировоззренческие горизонты и Славянское сообщество*, „Словенски гласник”. Година 1У-У. Подгорица 2004, № 5–6, с. 15.

способствует лёгкий писательский стиль с обилием живых диалогов, с психологической характерностью реплик и общая доверительно-говорная интонировка авторской речи с немалой юмористической подсветкой. И еще стилистический приём предельно кратких сентенций в их также лирически значимом выражении, в форме риторических вопросов. Например: „Как все переплелось в истории наших стран” (с. 307) или „Как много связывает Россию с Польшей! Как много разделяет эти две страны!” (с. 338).

Так создаётся эффект авторского непосредственного монолога, обращенного к заинтересованному читателю-слушателю, а некоторые лирические созерцания автора возвышаются до жанровой характерности стихотворения в прозе или даже верлибра. Например: „Приятно вот так, бесцельно и бессистемно,/ бродить по улицам незнакомого города/ и открывать для себя всё новые уголки,/ которые потом останутся в сердце на долгие годы” (с. 227). И также настоящим свидетельствую, что я на себе испытал авторское чувство-убеждение: „Мне кажется, русский в Варшаве никогда не будет чувствовать себя чужаком” (с. 343).

И потому читаю авторские признания в любви к варшавским улицам и буквально вторю собственным стихам: „Я Краковским предместьем / Пленён. Мне снился сон:/ Приятельским известьем/ Я к Музе обращен. / И улица другая./ Зовётся Новый свет./ Ей рифмами играя,/ Верстаю свой привет”.

Отметим также богатый иллюстративный материал книги, постраничный чёрно-белый и цветные вставки, создающий параллельный дополнительно обогащающий видеоряд восприятия. И ещё одно жанровое свойство романа. Это реальный путеводитель по Варшаве и Кракову, по их улицам, дворцам, музеям, паркам, а у себя дома – по родному Козловско-Мичуринскому краю, так что для увлечённого читателя, гражданина и патриота Славянского мира, желание самому совершить польский ознакомительно-постигающий маршрут и русский ретроспективно воссоздающий маршрут „утраченного времени”, которое, вместе с тем, оказывается вечно сопутствующим временем, – маршруты, которые столь эмоционально наглядно и глубоко аналитично воссозданы в романе, ощущаются со всё большей настоятельностью.

Streszczenie

*„Polonez po rosyjsku albo Zagranica.pl.ru” Aliksieja Pietrowa
– fabuła rosyjsko-polskiej wzajemności*

Autor artykułu zaprezentował powieść dokumentalną A. Pietrowa jako dyskurs rosyjsko-polskiej wzajemności w dramatycznych kolizjach wspólnego losu. Montażowa kompozycja kolejnych epizodów w korelacji wzajemnych wizyt fabularnych rosyjskiego autora i jego polskiego przyjaciela polega na łączeniu wątków głębinowych retrospekcji historycznych. Przyjaźń rosyjsko-polskiej pary staje się niejako modelem wzajemnych zobowiązań na poziomie osobistym, międzypaństwowym i ogólnonarodowym.

Summary

Polonaise in Russian or a foreign country.pl.ru

The documentary novel as a discourse of the Russian-Polish mutual relations in dramatic collisions and commonness. The architectonics of the novel in the ratio of the fabulous mutual visits of the Russian authors and his Polish friends and the structure of the deep historic insight. The compositional structure is in the exchange of Polish and Russian episodes. The friendship of the Russian spouses as a pattern of obligatory relations on the confidential (private), interstate and national level.